

В одно мгновение ледяной холод заброшенного дворца, казалось, просочился под кожу Сяо Цзиня.

Он действительно ждал, что Шэнь Юйхэн будет умолять его, но только не по этой причине. Нет.

— Матушка-наложница потратила столько сил, чтобы позвать меня сюда, только ради *этого*?

Шэнь Юйхэн явно не ожидал от Сяо Цзиня такой реакции. Что значит «ради этого»? Разве Сяо Цзиню не дорог Су Чэн? Почему его первой реакцией на эту новость стал... гнев?

Внезапно его запястье грубо схватили. Хватка была такой сильной, что Шэнь Юйхэн поморщился от боли. Сяо Цзинь рывком притянул его к себе и посмотрел на него сверху вниз.

— И кроме этого матушке-наложнице больше нечего мне сказать?

Шэнь Юйхэн не понимал, о чем говорит Сяо Цзинь. Тот прекрасно знал, что Су Чэн в опасности, но при этом не сводил с него тяжелого взгляда, словно ненависть к Шэнь Юйхэну перевешивала любое беспокойство за Су Чэна.

Сяо Цзинь прямо намекнул ему:

— Если ты попросишь меня, я, так и быть, могу выпустить тебя отсюда.

Шэнь Юйхэн моргнул:

— Тогда я прошу тебя, отпусти меня.

Сяо Цзинь холодно усмехнулся:

— Ни капли искренности.

Шэнь Юйхэн: «.....»

Он так и знал!

Внутри у Шэнь Юйхэна все опустилось. Сяо Цзинь явно не собирался так просто отпускать его, так зачем было вообще заводить этот разговор? Только чтобы поиздеваться и унижить?

Сяо Цзинь произнес:

— Сейчас матушка-наложница — убийца покойного императора. Одной этой статьи достаточно, чтобы предать тебя смерти. Если хочешь, чтобы я пощадил тебя, тебе следует проявить больше искренности.

Шэнь Юйхэн в замешательстве посмотрел на него.

Под этим взглядом Сяо Цзинь почувствовал, как в нем нарастает раздражение. С презрительной усмешкой он подцепил ворот одеяния на груди Шэнь Юйхэна и двусмысленно потянул вниз.

— Неужели матушка-наложница не знает, как нужно умолять людей?

Тело Шэнь Юйхэна мгновенно одеревенело.

Сяо Цзинь воспользовался моментом и сжал его талию, заставляя гу-паразита в его теле временно уснуть. Они оба подались вниз, и хлипкая деревянная доска под Шэнь Юйхэном издала жалобный скрип.

На этот раз он не хотел использовать никаких уловок, чтобы заставить Шэнь Юйхэна поддаться страсти. Только если тот будет в полном сознании, унижение станет по-настоящему глубоким.

Однако Шэнь Юйхэн не одарил его ни взглядом, полным унижения, ни взглядом, полным боли. Он смотрел на юного принца с долей разочарования.

Снова этот взгляд.

Шэнь Юйхэн смотрел на него так, словно перед ним был жалкий, слабый, безнадежно больной ребенок.

Сяо Цзинь почувствовал, как внутри него что-то оборвалось. Он разорвал одежду Шэнь Юйхэна и с силой впился зубами в его бледную, тонкую шею, с удовлетворением ощутив во рту привкус крови.

Шэнь Юйхэн еще больше похудел.

Сяо Цзиню было достаточно одной руки, чтобы намертво прижать его к доскам, лишив даже возможности сопротивляться. Шэнь Юйхэн едва переносил его жестокость, но тут смутные воспоминания начали пробуждаться, и, к своему ужасу, в процессе этого насилия его тело уловило отголоски извращенного удовольствия.

Кончики пальцев Шэнь Юйхэна слегка дрогнули. Он отчаянно пытался ухватиться за ускользающий рассудок, желая вырваться из этого неконтролируемого наваждения.

Ему это не нравилось.

Зачем Сяо Цзиню нужно, чтобы он его умолял? Все равно это принуждение, какая разница, кто проявит инициативу?

Места, которые кусал и целовал Сяо Цзинь, становились все более неподобающими. Собрав последние крохи разума, Шэнь Юйхэн уперся руками ему в плечи и оттолкнул:

— ...Сяо Цзинь!

Наконец между ними появилось расстояние. Шэнь Юйхэн поспешно отстранился еще немного; в его глазах все еще теплилась крупница надежды на благоразумие Сяо Цзиня:

— Тебе не следует этого делать.

Сяо Цзинь помолчал секунду, а затем насмешливо улыбнулся:

— Почему матушка-наложница все еще говорит такие вещи? Император-отец мертв, что здесь «не следует»? Если он сейчас смотрит на нас, пусть смотрит.

— ...Дело не в этом, — покачал головой Шэнь Юйхэн. — Подобные вещи не делают ради мести. Зачем, пытаюсь унижить меня, ты губишь и самого себя?

Сяо Цзинь всегда был равнодушен к любви и привязанностям. Он творил все это лишь для того, чтобы заставить его страдать. Но от этого не только Шэнь Юйхэн погружался в пучину боли —

само понимание чувств у Сяо Цзиня искажалось до неузнаваемости.

Эти вещи... не должны становиться наказанием.

Шэнь Юйхэн хотел нормально поговорить с ним, но на полуслове его речь захлебнулась и рассыпалась на бессвязные звуки под напором пальцев Сяо Цзиня.

Он не знал, сколько раз Сяо Цзинь проделывал с ним это, пока он был без сознания. Когда Сяо Цзинь снова вторгся в него, он даже не почувствовал сильной боли, лишь накатывающее головокружение.

Он все еще был болен, тело было ватным, а жар был таким сильным, что, казалось, обжигал пальцы Сяо Цзиня.

Сяо Цзинь двигался быстрее обычного — он спешил прервать слова на губах Шэнь Юйхэна, не позволяя ему и дальше расшатывать свою решимость.

Эти невыполнимые обещания, эта красивая, но пустая забота — он не желал слышать ни единого слова.

Шэнь Юйхэн так устал, что не мог вымолвить ни звука. В обычное время он бы обязательно нашел силы попикироваться с Сяо Цзинем, но сейчас болезнь еще не отступила, голова невыносимо кружилась, и не было сил даже на сопротивление. Ему оставалось лишь плыть по течению его движений.

В полубреду его расфокусированные глаза медленно открылись, и он увидел лицо Сяо Цзиня всего в пальце от своего.

Еще немного ближе — и их губы бы соприкоснулись.

Оба замерли. Шэнь Юйхэн резко отвернулся, избегая контакта, а Сяо Цзинь с холодным взглядом превратил несостоявшийся поцелуй в укус.

Они оба воспринимали эту долгую близость как пытку, а ту неконтролируемую искру тепла, что возникала от соприкосновения тел, каждому приходилось гасить в себе в одиночку.

Спустя какое-то время Сяо Цзинь смотрел, как Шэнь Юйхэн под его руками с дрожью выгибает спину.

Жар, который с таким трудом удалось сбить, снова начал возвращаться. После разрядки у Шэнь Юйхэна не осталось ни капли сил; он просто уткнулся лбом в плечо Сяо Цзиня, с трудом удерживая тело, чтобы не сползти вниз.

Сяо Цзинь почувствовал небывалую сухость в горле. Грязные, презренные желания, которые он всегда презирал, тянули его за собой, заставляя желать завладеть этим телом еще глубже.

Он наклонился, откинул полы мантии и только собирался перейти к дальнейшим действиям, как снаружи раздался голос:

— Ваше Высочество.

Это был Чэн Сяо.

Сяо Цзинь оцепенело замер, словно его грубо выдернули из теплого моря.

Чэн Сяо за дверями Холодного дворца, казалось, уловил исходящую от господина ауру ярости. Он нервно продолжил:

— Прошу прощения, Ваше Высочество, но господин Су Юйчан умоляет об аудиенции.

— Господин Су сказал... что хочет заключить с Вашим Высочеством сделку.

Сяо Цзинь холодно фыркнул. Пелена похоти мгновенно спала.

Он поправил одежду, поспешно отстранился от Шэнь Юйхэна и ответил всё тем же ледяным, бесстрастным тоном:

— Он хочет обменять Су Чэна на Су Юньчжэна, верно?

— Так точно. Согласится ли Ваше Высочество на обмен? Или же...

— Согласен, — без колебаний бросил он. — Отрежьте ему язык и верните семейке Су. А что касается семьи Су — конфисковать имущество, всех казнить.

Этот мусор, Су Юньчжэн, потерял всякую ценность — сломался после первых же пыток и все выболтал. Неблагодарных псов лучше убить сразу, чем всю жизнь держать на коротком поводке.

На лице Сяо Цзиня застыло свирепое выражение, но его руки при этом помогали Шэнь Юйхэну одеться.

Изначально он собирался просто уйти, но... от одной только мысли, что Шэнь Юйхэна в таком виде может увидеть кто-то другой, в нем вспыхивала безымянная ярость.

Когда одежда была приведена в порядок, щеки Шэнь Юйхэна уже пылали нездоровым румянцем. Сяо Цзинь коснулся его лица и едва не обжегся об этот жар.

Вчера ночью он с таким трудом помог ему, а теперь собственными руками все разрушил.

...Нет, разве это его вина? Виноват Шэнь Юйхэн, чье тело стало таким хрупким. Чуть что — сразу хворает, даже ребенок и тот крепче.

В памяти вдруг всплыл образ Шэнь Юйхэна во дворце Цинчжо. Еда и вещи у него всегда были самые лучшие, но одеваться он предпочитал просто и любил благовония; все носились с ним как с писаной торбой. Однако Шэнь Юйхэну, казалось, не нравилось, когда вокруг него так суетятся. Как только он научился нормально одеваться сам, то стал прогонять прислугу и методично натягивал слои одежды в одиночку...

Сяо Цзинь думал, что будет с удовольствием смотреть на страдания Шэнь Юйхэна, но когда эта сцена воплотилась в реальность, в ней не оказалось ничего притягательного.

Сяо Цзинь зашагал прочь через заброшенный двор.

Даже этот морозящий сырой дождь раздражал его.

Как только он вышел за ворота, Чэн Сяо закрыл за ним засов и доложил:

— Ваше Высочество, есть еще кое-что.

— Вчера супруг Су покинул дворец, и, похоже, не из тоски по дому... Генерал Шэнь Чун слег с болезнью. Вероятно, семья Шэнь уже знает о случившемся с наложницей Шэнем.

Сяо Цзинь холодно рассмеялся.

Так вот оно что. Это Шэнь Юйхэн послал Су Чэна за помощью.

Вот только он никак не ожидал, что Су Чэн и сам угодит в ловушку, и в итоге оба окажутся в безвыходном положении.

Единственная разница заключалась в том, что Су Чэна мог спасти он, Сяо Цзинь. А Шэнь Юйхэна... не спасет никто.

Взгляд Сяо Цзиня стал еще более мрачным. Юноша окончательно отбросил прежнюю маскировку, обнажив перед миром свои окровавленные клыки.

— В завтрашний указ добавьте еще один абзац.

— Наложница Шэнь совершил покушение на покойного императора Сяо Хуая, за что полагается казнь девяти поколений рода. Но, помня о заслугах семьи Шэнь перед государством, кара не коснется его родственников. Через три дня — немедленная казнь.

Чэн Сяо недоверчиво вскинул на него глаза.

— Через три дня казнь пройдет здесь, во дворце. Ты отвечаешь за то, чтобы все прошло гладко... Отныне в этом мире больше не будет человека по имени Шэнь Юйхэн. Понял?

Чэн Сяо замер на мгновение, а затем с пониманием кивнул.

Действительно, с характером Сяо Цзиня он не мог ни отказаться от трона, ни просто запереть Шэнь Юйхэна в Лotosовом павильоне — это было бы оскорблением для него самого.

Через три дня Шэнь Юйхэн «умрет», и никто в мире, кроме них двоих, не узнает, где он находится.

Однако Сяо Цзинь замолчал, не продолжая разговор и не делая попыток уйти.

Он посмотрел на двери Холодного дворца с таким видом, словно хотел сказать что-то еще, но сдерживался.

— Ваше Высочество? — позвал Чэн Сяо.

Повисло долгое молчание, после чего Сяо Цзинь произнес:

— ...Пусть лекарь Сюй придет и осмотрит его.

— Если он сдохнет, будет уже не так весело.

Чэн Сяо на секунду растерялся и с изумлением посмотрел ему в спину.

Казалось, юный принц и сам был раздосадован и испытывал отвращение к сказанным им словам.

Не позволяя себе больше никаких колебаний, он отбросил посторонние мысли и уверенно

зашагал вперед. Его спина по-прежнему казалась неприступной, но в ней стало чуть меньше привычной жестокости и появилось какое-то необъяснимое одиночество.

Чэн Сяо, стоя позади, порывался что-то сказать, но в конце концов закрыл рот и лишь проводил Сяо Цзиня взглядом.

На следующий день был обнародован указ, извещающий Поднебесную о кончине покойного императора и восшествии на престол нового владыки. Новость мгновенно разлетелась по всем улицам и переулкам столицы.

Простой люд толпился у досок с объявлениями на рыночных площадях, непрерывно обсуждая происходящее. В воздухе витали сомнения и тревога.

— Девятый принц только-только вернулся в столицу, а покойный император уже передал ему трон? Не боится, что народ взбунтуется?

— Я слышал, что у Сяо Девятого жестокий нрав... Если бы Второго принца тогда ложно не обвинили и не бросили в тюрьму, разве досталась бы ему империя?

— Армия Второго принца стоит прямо за городом. Говорят, в столице многие хотят переметнуться к нему, так может лучше...

— Да какое вам дело до этого? Лучше посмейтесь над семьей Шэнь. Третий сын Шэней оказался той еще гадиной. Кто бы мог подумать, что он посмеет сотворить такое...

— Говорят, с семьей Су все вышло еще страшнее. Знаете? Когда молодого господина Су вернули в столицу, у него не было языка! Сяо Девятый чуть было не вырезал всю их семью под корень, но Су Юйчан заранее прознал об этом и сбежал под покровом ночи, прихватив с собой наложниц.

— Что? Разве не говорили, что Сяо Девятому нравится бастард из семьи Су? А он, оказывается, даже родню его убивает...

Волны пересудов разносились по рынкам, а в толпе то и дело шныряли неприметные фигуры, собирая эти разговоры, чтобы тайно передать их во дворец.

— Докладываю Вашему Высочеству: люди Сяо Ци действительно затесались среди простолюдинов и пытаются воспользоваться хаосом, чтобы завербовать сторонников.

— Ваш подчиненный заметил в толпе людей нездешней внешности. Боюсь, это связано с растущей активностью племен Туна и Дилин на юго-западе.

— Вокруг поместий Шэнь и Су собралось много людей. Второй господин Шэнь не может даже выйти за главные ворота. Даже если он хочет использовать связи, у него нет такой возможности.

— Но, в конце концов, семья Шэнь поколениями защищала страну, и многие простолюдины все еще на их стороне...

Смертники по очереди заканчивали доклады и, низко кланяясь, удалялись. Выслушав их, Сяо Цзинь нахмурился и долго хранил молчание.

Как только стражи ушли, в зал быстрым шагом ворвался Су Чэн.

Лицо его выражало крайнюю тревогу, дыхание сбилось — он был в панике.

— Девятое Высочество, вы... вы действительно собираетесь казнить наложницу Шэня?

Его голос дрожал.

Едва Су Чэна доставили во дворец, он тут же услышал эту страшную весть. Он бросился напрямик в зал Янсинь к Сяо Цзиню, даже не поправив растрепавшиеся волосы.

Сяо Цзинь поднял глаза и смерил его холодным взглядом:

— Наложница Шэнь убил покойного императора, за такое преступление положено отсечение головы... Я никогда не делаю исключений.

— Девятое Высочество, вы же прекрасно знаете, что наложница Шэнь невиновен! — эмоции Су Чэна накалялись, а голос зазвенел.

Сяо Цзинь отвел взгляд и ледяным тоном скомандовал:

— Уведите супруга Су.

Чэн Сяо немедленно шагнул вперед и сделал приглашающий жест: «Прошу».

Су Чэн замер на месте. Лицо его побледнело, в глазах читались бессилие и отчаяние. Он прикрыл глаза, понимая, что не в силах вести переговоры с Сяо Цзинем.

Шэнь Юйхэн полагал, что Сяо Цзинь относится к нему неплохо. Поначалу и Су Чэн думал так же.

Но любой, кто общался с Сяо Цзинем достаточно долго, понимал: душа юного принца — это зияющая пустота, кусок холодного железа, который невозможно источить даже каплями воды.

Одно время Су Чэн верил, что Шэнь Юйхэн значит для Сяо Цзиня что-то особенное. Что, как бы сильно он ни ненавидел Шэнь Юйхэна, он никогда не убьет его по-настоящему. Так должно было быть.

Однако реальность обрушилась ледяной водой, разбивая все иллюзии вдребезги.

Су Чэн тяжело ступал, покидая зал Янсинь. Каждый шаг, казалось, разрывал его душу на части. Чэн Сяо молча следовал за ним.

Внезапно Су Чэн остановился и, не оборачиваясь, спросил:

— Если Сяо Цзиню всегда было плевать на всех, зачем он тогда спас меня? Зачем заступался за меня?

Это «милосердие» юного принца заставило его по ошибке поверить, что у того есть сердце.

Чэн Сяо опустил голову, не в силах ответить на этот вопрос.

Он не мог сказать Су Чэну, что вся эта так называемая «добродетель» Сяо Цзиня — возможно, не более чем имитация.

Имитация, которая позволяла ему чувствовать, что он не совсем одинок и не полностью оторван от этого мира.

С самой первой встречи Сяо Цзинь решил спасти Су Чэна. Для любого другого подобное было бы немыслимо, но Су Чэн стал исключением.

Сначала Чэн Сяо тоже думал, что Су Чэн — особенный для принца человек.

Но во взгляде Сяо Цзиня, обращенном к Су Чэну, по-прежнему царила лишь бескрайняя пустошь.

Сяо Цзиню просто было необходимо присутствие кого-то вроде Су Чэна. Кто-то, кто создавал бы иллюзию тепла в его ледяном мире.

Пусть это тепло было фальшивым, холодным и лишенным искренних чувств.

Таким образом он доказывал самому себе, что он не тот бездушный, безнадежный монстр, каким его считают окружающие.

Вернувшись в зал Янсинь, Сяо Цзинь все так же сидел за столом, выводя иероглифы кистью. С сегодняшнего дня и вплоть до церемонии коронации у него вряд ли выдастся хоть минута покоя. Однако с каждым взмахом кисти смятение в душе только росло.

Когда Чэн Сяо вернулся, почерк Сяо Цзиня уже потерял ровность. Слегка нахмурившись, принц спросил:

— От него... есть новости?

Чэн Сяо опустил голову и спокойно ответил:

— По приказу Вашего Высочества Холодный дворец строго заперт. Естественно, наложница Шэнь еще не знает о дате своей «смерти». Прошу Ваше Высочество не беспокоиться.

Сяо Цзинь холодно фыркнул, как будто с легким нетерпением:

— И когда это я говорил, что спрашиваю о наложнице Шэне?

— Ваш подчиненный заслуживает смерти.

— ...Забудь.

Сяо Цзинь отложил кисть, и сведенные брови наконец медленно расслабились.

Три дня.

Через три дня Шэнь Юйхэн полностью перейдет под его контроль и станет пылинкой на его ладони, которой ни за что не вырваться.

При мысли об этом в глубине души Сяо Цзиня поднялась волна холодного, но такого ясного и наполняющего предвкушения.

Он жаждал этого непреодолимого чувства контроля. Оно давало ему уверенность в том, что

судьба Шэнь Юйхэна больше не принадлежит ему самому — она крепко зажата в его руке. Вопрос жизни и смерти решает только он.

Теперь он уже никогда не сможет сбежать.

<http://bllate.org/book/17965/1736083>